

TETYANA KOSMEDA (ТАТЬЯНА КОСМЕДА)

 <https://orcid.org/0000-0001-8912-2888>

Донецкий национальный университет имени Василя Стуса

ДИНАМИКА ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ТЕНДЕНЦИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ

DYNAMICS OF RUSSIAN VOCABULARY: TRENDS IN MODELLING EVALUATIVE SEMANTICS

The article analyzes the trends in the development of the vocabulary of the Russian language at the beginning of the 21st century, reflected in the dictionary of neologisms, which illustrates the changes in the axiological linguistic picture of the world of Russians. In particular, we trace an intensive rethinking of the meanings of words that contain political idiologems or mythologems, an expansion of the fund of words and meanings with evaluative semantics due to global processes of jargonization, criminalization, vulgarization, falsification (verbalization of untruth), feminization, intensification of a sign or action, verbalization of non-verbals, the actualization of precedence and creativity (active modelling of the language game).

Keywords: axiological language picture of the world, lexico-semantic processes, neologization, evaluative vocabulary and semantics, development trends

ВВЕДЕНИЕ

Аксиологическая языковая картина мира — составная часть концептуальной и языковой картин мира, моделируемая на основании совокупности взаимосвязанных оценочных суждений, традиционно соотносящихся с идеологическими политическими, юридическими, религиозными, морально-этическими суждениями и соответствующими кодами. Коммуникативный процесс пронизан вербализацией оценочных суждений. Оценочный дискурс является политональным, многожанровым, манипулятивным, критическим, интеллектуально- и аффективно-оценочным, ибо в коммуникации выражаются разные виды оценок, чувств и эмоций, которые могут быть как объективными, так и субъективными.

Оценку рассматриваем (1) как аспект семантики речевых высказываний, отражение в языковых структурах особенностей членения носителями языка объективного мира по его ценностным параметрам — добро или зло, польза или вред, положительное или отрицательное и др.; (2) суждение носителей языка, их отношение к действительности — одобрение либо неодобрение, поощрение либо порицание и под. — как составные стилистической коннотации, репрезентирующие соответствующий колорит: стилистическую окраску (тональность, регистр) высказывания, текста, дискурса, мотивированную соответствующим субъективно-оценочным восприятием мира, нацеленную на потребность вызывать у носителей языка, воспринимающих высказывание, текст, дискурс, определенные чувства, эмоции и даже настроение¹.

В конце XX и в начале XXI века россияне оказались в особенной общественно-политической ситуации: их общественное сознание подверглось мощному влиянию пропутинской агрессивной пропаганды, в соответствии с которой Россия рассматривается как сверхдержава, российский народ — особенная нация. Нравственность, мораль, симпатии и антипатии россиян, их оценочные суждения своеобразно зафиксировались в лексико-семантической системе русского языка, в процессе неологизации и лексикализировались в толковых словарях.

«Переход от статики к динамике» исследователи называют одним из важнейших результатов развития языкознания XX — нач. XXI вв.² В данном разыскании попытаемся проследить тенденции моделирования оценочной семантики русского языка. Исследовательским материалом послужил словарь-справочник по материалам прессы и литературы *Новые слова и значения* (2009–2010), ответственным редактором которого является Татьяна Буцева³. Новизна разыскания состоит в том, что впервые на материале анализа лексико-семантического ин-

¹ См.: Т. Космеда, *Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки*, Вид-во ЛНУ імені Івана Франка, Львів 2000.

² См.: В. М. Алпатов, *Предварительные итоги лингвистики XX века*, «Вестник Московского университета» 1995, № 5, с. 83.

³ *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы в 3 томах*, Т. Н. Буцева (ред.), сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гोनоблева, Ин-т лингвистических исследований РАН, Изд-во Дмитрий Буланин, Санкт-Петербург 2009–2010, т. 1.

новационного процесса русского языка начала XXI очерчены тенденции его развития в ракурсе особенностей формирования оценочной семантики. К основным исследовательским методам относим следующие: *аксиологический* метод для актуализации ценностных ориентаций с целью определения специфики выражения категории оценочности. Для реконструкции авторских интенций и рефлексий относительно анализа и классификации собраного материала применен *описательный* метод, а также методы *индукции* (для получения общих выводов) и *дедукции* (для формулирования тенденций), *анализа* и *синтеза* (для теоретических обобщений и систематизации фактического материала), метод *отбора лексического материала* для формирования исследовательской базы.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Актуальными для этого исследования являются глубокие мысли Льва Выготского о том, что

[...] сознание отражает себя в слове, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания⁴.

Это значит, что одни и те же предметы, объекты, явления, факты, события кодируются языковым сознанием определенного этноса, определенного социума в соответствии с выработанными в данном обществе представлениями и оценками.

Моделирование оценочных слов, значений и смыслов, зафиксированных в словарной практике, демонстрирует тенденции развития языкового сознания россиян, что и попытаемся представить в виде доминирующих тенденций.

I. Интенсивное переосмысление значений слов, заключающих в себе ***политические идиологемы либо мифологемы***, среди которых находятся и политические термины, способные отражать амбивалентность оценки, и так называемые советизмы, меняющие свое первоначально положительное оце-

⁴ Л. С. Выготский, *Мышление и речь* // того же, *Собр. соч. в 6 томах*, ред. В. В. Давыдова, Педагогика, Москва т. 2. 1982, с. 361.

ночное значение на противоположное, и большое количество их словообразовательных и семантических производных. Ср.: *капээсэсовский* (неодобр.) — выражает систему таких смыслов: (1) 'относящийся к КПСС, ее членам'; (2) 'состоящий из них'; (3) 'характерный для них'; (4) 'разделяющий идеологию КПСС, отстаивающий и пропагандирующий ее' — *КПСС (имя собств.) [капээсэс] + -овск(ий)* [НСЗ, т. 1: 734]), *капээсэсовец*. Как видим, на пейоративность значения приведенных лексем влияет и внешнее сходство слов с фашистскими терминами *эсэс, эсэсовец*. Ср. также: *комидеология* (неодобр.) — 'идеология коммунизма', *комвождь* (неодобр.) — 'о видном деятеле коммунистического движения, вожде коммунистической партии, вожаке комсомольской организации' — сокращение сочетания слов, а также *комлагерь, комлидер* и под. Образование сложносокращенных слов от лексем, называющих «высокие понятия», также свидетельствует об изменении вектора оценки, привнесение коннотемы пренебрежительности.

Приведем еще примеры переосмысления оценочных значений советизмов: *большевизм* (неодобр.) — 'об идеологии и политике современных левых в России, отличающихся крайним радикализмом', образованное от *большевизм* в знач. 'возникшее в начале XX в. в России революционное, марксистское течение, получившее свое воплощение в партии большевиков, созданной В. Лениным') [НСЗ, т. 1: 209]; *буржуазно-большевистский* — 'сочетающий черты буржуазности и большевизма' (неодобр.) — *буржуазный + о + большевистский* [НСЗ, т. 1: 240]); *капиталистическо-социалистический* (неодобр.) — 'относящийся к капиталистическому и социалистическому общественным укладам, к их особенностям' — *капиталистический (к'>к) + о + социалистический*. *Некая каша из капиталистическо-социалистических идей вообще свойственна для России* [НСЗ, т. 1: 731]); *капиталисты-коммунисты* (ирон.) — 'коммунисты, воспринявшие идеи, особенности капитализма в своих воззрениях и практической деятельности' — *сложение слов* [НСЗ, т. 1: 731]). Наблюдаем идеологическую гибридизацию, а также формирование определенных словообразовательно-семантических моделей с набором соответствующих стержневых компонентов.

Примером может послужить образование системы слов, первой частью которых является компонент *демо* (сокращение слова *демократический*) со значением 'относящийся к демократам' —

актуализируется положительная оценочность. Однако характер оценки меняется в новообразованиях: *демобольшеви́стский* (презрит.) — ‘демократический по названию, но большеви́стский по сути’, *демокоммунисты* (неодобр.) — ‘представители демократического крыла коммунистической партии’, а также *демобесы* (презрит.) — ‘демократы в речи их политических противников’, *демобесовский* (презрит.) — ‘относящийся к демобесам; исходящий от них’, *демокрады* и *дерьмократы* от *дерьмо* + *демократы* (разг.-сниж., уничижит. и бранно) — ‘о продажных, коррупционных представителях демократической власти, современных псевдодемократах’, а также *дерьмократия* (‘о демократии в современной России — в языке противников нынешних демократов’) и *дерьмократический* — ‘осуществляемый дерьмократами’. Актуализируется контаминация: *демократ* + *казнокрад* = *демокрад*; в слове *демократия* происходит замена компонента *демо* на *демон* = *демонократия* — ‘о демократии как источнике и виновнице зла в современном обществе’, производное от него *демонократический* — ‘принадлежащий, свойственный демонократии; поддерживающий ее’. Имеет место и сложение слов *демократия* + *демонократия* = *демократия-демонократия*. Путем контаминации образуются синонимы, ср.: *демократура* (*демократия* + *диктатура*) и *демноменклатура* (*демократия* + *номенклатура*) [НСЗ, т. 2: 476–490]. При соединении идеологически противоположных понятий, очевидно, создаются иронические эвфемизмы: *демомутанты* — ‘о демократах, меняющих свои взгляды, убеждения в зависимости от обстоятельств’ — *демо... относящ. к демократам* + *мутанты* + *перен. знач.*); *демофашисты* — ‘о тех, кто под видом демократии прибегает к насилию, национализму’, производное от *демофашизм* — ‘о демократии с элементами насилия, национализма’.

Другой пример модели со стержневым словом *коллективный* представляет коннотацию неодобрительности, что проявляется при соответствующей сочетаемости, — синтагматическая модель: *коллективный* + *имя собств. политика*, например: *коллективный Ельцин* — ‘об олигархе Б.А. Березовском’; ‘об А.Б. Чубайсе’; ‘об А.Б. Чубайсе и В.С. Черномырдине’; ‘об избирательном центристском блоке «Отечество — вся Россия» (1999–2001 гг.)’; *коллективный Горбачев* — ‘о членах правительства СССР во времена пребывания М.С. Горбачева у власти’;

коллективный Сталин — ‘коллективный в духе Сталина’; *коллективный Троцкий* — ‘о российских радикальных либералах; силах, стремящихся к осуществлению идей Л. Троцкого относительно перманентной революции [НСЗ, т. 2: 113].

Естественно, появляются оценочные слова, связанные с современными политическими процессами, идеологией, напр.: *авторитарно-олигархический* — (1) ‘основанный на неограниченной власти узкого круга избранных людей’ — *авторитарный* + *о* + *олигархический*; (2) ‘являющийся сторонником такой власти’ — *от авторитарно-олигархический* в 1-м знач. [НСЗ, т. 1: 34]; *административно-силовой* (неодобр.) — (1) ‘выполняющий функции административного воздействия, давления вплоть до применения силы (обычно о вышестоящих инстанциях, силовых ведомствах и т. п.)’; (2) ‘основанный на предписаниях сверху, злоупотреблении властью, давлении’ — *административный* + *о* + *силовой* [НСЗ, т. 1: 41]. Прослеживаем моделирование значений с актуализацией абстрактных значений, ср.: *абсурди-стан* (неодобр.) — (1) ‘о современной России как стране абсурда: противоречащих логике и здравому смыслу мнениях, действиях и их последствиях, нелепых, непредсказуемых ситуациях’. Модель: от *абсурд* + *Таджикистан, Афганистан* и др. (*имя собств.*), с переходом в разряд имен нариц.; (2) ‘о стране (обычно о бывшей советской республике) с таким же положением дел’ [НСЗ, т. 1: 24]. Модель *антиизмы* (неодобр.) — ‘о политических течениях противоположной идеологии, возникающих в противовес уже существующим’ — *анти-* (*противоположный*) + *измы* [НСЗ, т. 1: 71]. Эту же функцию выполняет и суффикс *-изациj(a)*. Ср.: *афганизация* — (1) ‘уподобление событий где-л. экономической и политической ситуации в Афганистане сер. XX в., характеризующейся распадом страны и государственности, неспособностью власти управлять страной, военными и этническими конфликтами’; (2) ‘этнополитическая дестабилизация какого-л. региона по образцу Афганистана’ — *Афганистан* (*имя собств.*) + *-изациj(a)* [НСЗ, т. 1: 116]. Можно продолжить формирование системы подобных моделей, что указывает на отрицательное отношение к определенным странам и политике этих стран.

II. Расширение фонда слов с оценочной семантикой за счет глобального процесса *жаргонизации* русского литературного языка, что проявляется в значительном *пополнении оценочной лексики заимствованиями из разных видов жаргонного дис-*

курса:

(1) **из молодежного жаргона.** Здесь прослеживаем расширение значений уже существующих лексем за счет функциональной нагрузки, выполнения определенных синтаксических функций, а также частеречной трансформации, напр.: *абзац (полный абзац)* — (а) в значении сказуемого ‘наступает смерть, крах кого-л.’; (б) ‘окончательный конец, крах чего-л.’; (в) в знач. междометия ‘выражение полной безнадежности в отношении физического состояния, умственных способностей кого-л.’ (г) в значении междометия ‘выражение восхищения кем-, чем-л.’; ‘о ситуации, событии и т. п., вызывающих возмущение, негодование’ [НСЗ, т. 1: 23]. Данная лексема иллюстрирует хамелеоновское свойство, ибо изменяется ее грамматический статус: она выполняет функции и предикатива, и существительного, и междометия. Она пополняет состав (а) квалификативно-обобщающих слов-оценок либо (б) оценочных слов одновременно. Кроме этого, актуализируется оценочная бинарность: отрицательное и положительное значения актуализируются поочередно. Активно пополняется состав оценочной лексики номинациями агентивных имен и производных от них, ср.: *боец* — ‘член хулиганствующей, военизированной молодежной группировки’ [НСЗ, т. 1: 206]; *ботан* (пренебр.) — то же, что ботаник; *ботаник* (презрит.) — ‘прилежный, примерный учащийся, сосредоточенный исключительно на учебе; отличник, зубрила’, а также *ботать, ботанеть* (неодобр.) — ‘слишком старательно (по мнению лодырей) учиться, зубрить’ [НСЗ, т. 1: 219]; *гонники, гопота* — ‘агрессивно настроенные подростки — члены неформальной молодежной группировки’ — от *гонники* в значении ‘опустившиеся люди, босяки’. Производные *гонницкий, гонничество* также вербализуют негативную оценку [НСЗ, т. 1: 406];

(2) **из жаргона наркоманов:** *глюки, галюны* (неодобр.) — ‘галлюцинации’ [НСЗ, т. 1: 369]; *всухую* (нареч.) — ‘без инъекции наркотика’ — от *всухую* в значении ‘не запивая или не выпивая’ [НСЗ, т. 1: 303]; *вторяк* — ‘разновидность наркотика — повторно заваренная маковая соломка’ — *второй* + *-як* [НСЗ, т. 1: 348]; *грязнуха* — ‘недоброкачественный наркотик кустарного изготовления’ — *грязный наркотик* + *-ух (а)* [НСЗ, т. 1: 441]; *догоняться* — ‘усиливать (усилить), продлевать (продлить) состояние эйфории, опьянения наркотическим средством, алкогольным напитком’ — *до-* + *гонять, гнать* + *-ся* + *перен.* [НСЗ,

т. 1: 525]; *заторчать* — (1) ‘испытать состояние наркотической эйфории, алкогольного опьянения’ — *за-* + *торчать*; (2) от кого, чего. ‘прийти в неистовый восторг, получить удовольствие от кого-, чего-л.’; (3) на ком, чем. ‘сильно увлечься кем-, чем-л.’; (4) на ком. ‘влюбиться в кого-л.’ — от *за-* + *торчать* (‘быть влюбленным, испытывать состояние влюбленности’, жарг.) [НСЗ, т. 1: 601];

(3) **из жаргона алкоголиков:** *бухло* (собр.) — ‘спиртные напитки’ — *бухать* (*выпивать, жарг.*) + *-л(о)*. [НСЗ, т. 1: 243]; *дринькать* — ‘пить (чаще спиртное)’; *выпивать* (жарг.) — *англ. drink* (*пить*) + *-а (ть)* [НСЗ, т. 1: 544];

(4) **из жаргона сексуального меньшинства:** *активист* — ‘активный гомосексуалист’ — *активный гомосексуалист* + *-ист* [НСЗ, т. 1: 46]. Отметим, что новая сочетаемость слов, в частности и обобщающе-квалификативного оценочного слова *кайф*, позволяет входить этой лексеме в разные жаргонные подсистемы, ср.: *белый кайф* — ‘героин’; *бычий кайф* — ‘водка’ [НСЗ, т. 1: 715].

III. Расширение фонда слов с оценочной семантикой за счет глобального процесса **криминализации** русского языка⁵. Данная лексика имеет сниженную стилистическую окраску, отличается высокой степенью пейоративности, выраженной отрицательной оценочностью. Большой пласт такой лексики составляют заимствования:

(а) **из арго**, ср.: синонимический ряд слов для номинации *Комитета государственной безопасности и его сотрудников* с оттенком презрения (разговорно-сниженная тональность): *гэбня* (*гебня*), *гэбуха* (*гебуха*), *гэбульник* (*гебульник*), *гэбэшник* (*гебешник*) — *КГБ* (*имя собств.*) [*ка-гэ-бэ., ка-ге-бе*] + *-н* (*я*) [НСЗ, т. 1: 450]; *бизнес-мент* и *бизнесмент* (разг., презрит.) — ‘о милиционере, втянутом в криминальный бизнес, берущем взятки’ — *бизнес...* (*относящ. к бизнесу*) + *мент* (*милиционер, жарг.*); контаминация: *бизнесмен* + *мент* (*жарг.*) [НСЗ, т. 1: 174]; *автор* — ‘глава преступной группировки’; *авторитет* от

⁵ См. об этом: Е. Зубков, *Русский уголовный дискурс. Книга первая. Уголовный дискурс как феномен усложненной семиотической деятельности*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 2019; Е. Зубков, *Русский уголовный дискурс. Книга вторая. Парадигматика русского уголовного дискурса и анализ российского уголовного антропогенного ландшафта*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 2019.

авторитет (жарг.) [НСЗ, т. 1: 33]; *бык* — (1) ‘в иерархии уголовного мира — низшее звено, состоящее из исполнителей (телохранителей, вымогателей, участников разборок и т. п.)’; (2) (разг. проф.) ‘брокеры, играющие на повышение акций; противоп. *медведи*’; (калька *англ. bull* — ‘спекулянт, продающий ценные бумаги, рассчитывая на повышение их курса’) [НСЗ, т. 1: 243];

(б) **из профессиональной речи юристов**, ср.: выражение *отмывание денег* приобрело статус юридического термина — ‘о нарушениях закона в связи с финансовыми махинациями’; *висяк, висячка, глухое дело, глухарь* (разг. проф.). — ‘нераскрытое преступление’ — от *висячее дело, преступление* (с включением знач. слов ‘дело, преступление’); *висячий* (*висячее дело*) — ‘незавершенный, нераскрытый (об уголовном деле)’ [НСЗ, т. 1: 313];

(в) образуются новые оценочные слова и **для наименования явлений, связанных с криминалом**, ср.: *антисистема* — ‘системная целостность людей с негативным мироощущением, общим мировоззрением, способствующая сокращению жизни этноса (проф.). — *анти-* (*направленный против*) + *система* — термин Л. Гумилева (1912–1992), актуализированный в современном литературном языке [НСЗ, т. 1: 87]; *ворократия* — (1) ‘политический режим, при котором правящая верхушка незаконно присваивает себе государственные средства, общественную собственность, распродает народное достояние в целях собственного обогащения’ — *воры* + *о* + ... *кратия* (*власть кого-л.*); (2) собир. ‘о такой правящей верхушке’; *ворократ* ‘представитель ворократии.’ [НСЗ, т. 1: 339–340]; *бандитизация* — ‘распространение бандитизма’. *Бандитизм, бандиты* + *-изациj(a)* [НСЗ, т. 1: 128]; *бандюган, бандюганский* (неодобр.) — ‘относящийся к бандюганам’; ‘посвященный теме бандитизма’ [НСЗ, т. 1: 129].

IV. Образование новых слов за счет **феминизации**. Исследователи феминизма считают, что «его идеологические, политические, правовые и прочие компоненты переопределяют и во многом задают реальность»⁶. **Новые номинации женщин в современном русском литературном языке репрезентируют сниженную тональность и неодобрительную коннотацию**. Ср.: *авторица* (разг., ирон.) — ‘женщина — ав-

⁶ А. В. Кирилина, *Гендер: лингвистические аспекты*, Институт социологии РАН, Москва 1999, с. 44.

тор литературного произведения' — *автор* + *-иц(а)* [НСЗ, т. 1: 35]; *бизнес-вуменша* (разг.-сниж., часто ирон.) — то же, что *бизнес-вумен*, *бизнесменка*, *бизнесменша*, *бизнес-дама*, *женщина-предприниматель*, *женщина-предпринимательница* [НСЗ, т. 1: 164]; *демократесса* (ирон.) — 'женщина — представительница демократических кругов' — *демократ* + *-есс(а)* [НСЗ, т. 1: 479]; *политесса*, *политикесса* (ирон.) — 'женщина политик' — *политик* — + *-есс(а)* [НСЗ, т. 3: 232]; *членка* (разг., шутил.-ирон.) — 'женщина — член какой-л. организации, какого-л. сообщества' — *член (участник какого-л. объединения)* + *-к(а)* [НСЗ, т. 3: 1296] и др.

Слова, связанные с занятием проституцией, также расширяют свой синонимический ряд, ср.: *давалка* (разг.-сниж., презрит.) — (1) 'женщина, не отказывающая мужчинам в половой близости в силу своей бесхарактерности, повышенной сексуальности'; (2) 'проститутка' — *давать* (вступать в половые отношения /о женщине/) + *-лк(а)* [НСЗ, т. 1: 452]; эвфемизм *труженица ложа*, *девочка*, *девушка* (разг., неод.) [НСЗ, т. 1: 468], а также *девушка*, *девочка*, *дама по вызову* (по телефону); *плечевая*; *плечовка* — от сочет. слов *плечевая проститутка* + *субстантивация* с включением значения существительного [НСЗ, т. 3: 187]. В воровском жаргоне проститутка определяется пренебрежительно, как *мара*, *раскладушка*, *соска* [НСЗ, т. 3: 955–956]. Пополняется данный синонимический ряд и заимствованиями из английского языка, ср.: *колл-герл* (*кол-герл*) — 'проститутка, работающая по вызову' — *англ. call girl* [НСЗ, т. 2: 107]; *секс-дива* — 'женщина, работающая в службе виртуального секса' — *англ. sex diva* [НСЗ, т. 3: 722].

V. Прослеживается активная **вульгаризация**: образование лексем по аналогии с нецензурными, бранными словами. Напр.: *коммуниздить* (вульг., неодобр.) — (1) кого. 'бить, избивать'; (2) 'воровать' [НСЗ, т. 2: 145]; *съездюк* — 'депутат' [НСЗ, т. 1: 492]; *выеживаться* (разг.-сниж., неодобр.) — 'стремиться быть непохожим на других, выделяться чем-л., оригинальничать'; *выделываться*, *выкобениваться*, *выдрючиваться* (разг.-сниж., неодобр.) — *вы-* + *ёжиться* + *-ва(ть)ся* + *перен.* [НСЗ, т. 1: 352]; *звездун* (разг.-сниж., неодобр.) — 'о популярном эстрадном певце, актере' (разг.-сниж., пренебр. или ирон.) — *звезда (знаменитость)* + *-ун*. То же самое *звездунья*, *звездулкa* — 'о популярной эстрадной певице, актрисе' [НСЗ, т. 1: 635]. Данные единицы

являются эвфемизмами инвективов — стилистически сниженной, вульгарной лексики с коннотацией презрения, бранности.

VI. Расширяется состав лексики «языка ненависти», связанный с идеологией ксенофобии — резким невосприятием лиц или национальных лингвокультурных сообществ чужой культуры, языка, поведения, манеры общения и под. На уровне государственной политики может проявляться дискриминация по национально-культурным признакам. В этом случае прослеживаем образование слов с выраженной коннотацией презрения. Имеют место пейоративные названия лиц по национальности, напр.: *азик*, *айзер* — от *азербайджанец* [НСЗ, т. 1: 41]; *америкосы* — от *американцы* [НСЗ, т. 1: 56]; *западэнец* (неодобр.) — ‘житель Западной Украины’ [НСЗ, т. 1: 340]; образования, касающиеся разных народов в совокупности, ср.: *баранизация* (неодобр.) — ‘превращение в тупую, послушную, легко управляемую массу (о народе, народах)’ — *баран* (‘о тупом человеке’, перен., разг.) + *-изација* [НСЗ, т. 1: 134]. Для выражения негативного отношения к определенным понятиям активно употребляется приставка *-анти*, ср.: *антигрузинский* — (1) ‘характеризующийся враждебным отношением к Грузии, проводимой ею политике (часто по отношению к Абхазии, абхазцам), грузинам’; (2) ‘направленный против Грузии, ее попыток присоединения к себе Абхазии’; (3) ‘настроенный, выступающий, действующий против Грузии, проводимой ею политики, грузин’; (4) ‘содержащий критику действий Грузии, ее правительства, проводимой им политики’ [НСЗ, т. 1: 68]; *антиевропейский* — ‘связанный с негативным отношением к созданию Европейского Союза, отказом от вступления в него’ — *анти-* (*направленный против*) + *Европейский Союз* [НСЗ, т. 1: 70]; *антиукраинский* — (1) ‘выражающий негативное отношение к политике, проводимой Украиной, действиям ее правительства’; (2) ‘направленный против политики, проводимой Украиной, действий ее правительства’; (3) ‘настроенный, выступающий, действующий против этой страны, ее политики, граждан’ [НСЗ, т. 1: 90], наречие *антиукраински* ‘против Украины, украинцев (об идейном и психологическом настрое)’ [НСЗ, т. 1: 90] и др.

VII. Увеличивается состав лексики, служащей для **фальсификации** процессов действительности, **вербализации неправды**. Мерилом оценки в данном случае является критерий *истинности* — соответствия действительности, что предпола-

гает адекватность информации об окружающем мире и то, что эту информацию не создают (выдумывают) сами участники коммуникации. Актуализируется репрезентация смысла слов по дихотомии *истинность — неистинность*. Ср.: *бижутерия* (перен., неодобр.) — ‘о том, что имитирует что-л., создает видимость чего-л’ — от *бижутерия* в знач. ‘украшения, имитирующие ювелирные изделия’ [НСЗ, т. 1: 161]; *боковик* (неодобр.) — (1) ‘левый договор, прикрывающий неучтенные, нелегальные доходы’ — *боковой (побочный) договор* + *-ик*. (2) ‘деньги, отчисляемые по такому договору’; (3) ‘дочерняя (часто подставная) фирма, организация, используемая для сокрытия на своих счетах каких-л. финансовых средств’ — *боковая (не главная) фирма, организация* + *-ик* [НСЗ, т. 1: 206]; *виртуально-спекулятивный* — ‘связанный со скрытыми спекуляциями, не поддающимся контролю (о финансовых операциях)’ [НСЗ, т. 1: 308]; *витрина (витрина социализма)* (перен., разг., неодобр.) — ‘о том, что подавалось как достижение социалистического строя, образа жизни, служило его прославлению’ [НСЗ, т. 1: 314]; *воздух* (перен., разг., неодобр.) — ‘о том, что существует только на бумаге, в поддельных финансовых документах’; *воздушный* (перен., неодобр.) — ‘реально не существующий, числящийся только на бумаге, в поддельных финансовых документах’ [НСЗ, т. 1: 336]; *грязный* (разг., неодобр.) — ‘выплачиваемый нелегально, неофициально (в обход существующих законов) (о заработке)’ [НСЗ, т. 1: 443]; *дезуха, деза* (разг., неодобр.) — ‘ложная информация, распространяемая с целью ввести в заблуждение кого-л.’ — (*Дез*)*информация* + *-ух (а)*; *деза* + *-ух (а)* [НСЗ, т. 1: 471]; *дикий* (неодобр.), ср.: *дикий капитал* — ‘капитал, приобретенный и используемый незаконно’ [НСЗ, т. 1: 512]. Данный тип оценки актуализируется в дискурсе категории *персуазивности* (сокрытием истины) и *периплокой* (сокрытием настоящего смысла). В этом случае также активны модели слов с префиксоидами *квази-*, *лже-*, *псевдо-* (*квазиполитик, квазиполитика, лжесловарь, псевдокрасавец*).

VIII. Увеличение состава оценочной лексики с ***семантикой интенсификации признака, свойства, действия***. Здесь прослеживаем первоначально моделирование положительной оценочности. При этом используется система приставок, ср.: ***архизамечательный*** — (1) ‘гениальный, очень хороший; значительно превосходящий других (о человеке)’; (2) ‘в высшей мере

замечательный’ — *архи...* (в высшей степени) + *замечательный* [НСЗ, т. 1: 106] и др. Активной, как показывает материал, является модель с компонентом *высокий* — ‘отличающийся неординарностью, высоким качеством, уровнем профессионализма’ (пер. фр. *haute couture*) [НСЗ, т. 1: 355]. Ср.: *высококонкурентный*, *высоколобый*, *высокорейтинговый* и др. Однако данные лексемы активно подвергаются переосмыслению, актуализируя негативные смыслы, что отражает типичную тенденцию употребления оценочной лексики — явление *амбивалентности*.

IX. Процесс порождения слов и значений путем актуализации **языковой игры** также позволяет расширить систему оценочной лексики, что связано с повышением креативности языковых личностей. Ср.: *брежний* (в *брежние времена*; в *брежнее время*) (разг., шутл.-ирон.) — ‘в период руководства страной Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева’ — контаминация: *брежневский* + *прежние времена* [НСЗ, т. 1: 223]; *бровеносец* (разг., шутл. и шутл.-ирон.) — ‘об обладателе темных густых бровей’ — *брови* + *e* + ...*носец* (‘носитель, обладатель чего-л.’); контаминация: *брови* + *броненосец* «*Потёмкин*» + *в потёмках* [НСЗ, т. 1: 229]; *господарищи* (ирон.) — ‘в России в переходный период от социализма к капитализму: о демократах, которые в недавнем прошлом были коммунистами’; *господа-товарищи* — контаминация: *господа* + *товарищи* [НСЗ, т. 1: 420]; *депутан* и *депутана* (разг., презрит., шутл.-ирон.) — ‘депутат’ и ‘депутат-женщина’. Контаминация: *депутат* + *путана*. Эта лексема вступает в синонимический ряд со словами *думак* и *съездюк* [НСЗ, т. 1: 492]; СМИ — ‘средства массовой идиотизации’ (разг., презрит.) — ‘о средствах массовой информации’ — произвольная расшифровка буквенной аббревиатуры [НСЗ, т. 1: 649] и др.; *Софья Власьевна* (эвфемеизм, ирон.) — ‘о Советской власти, Советском Союзе’: *по созвучию* — *Советская власть* и *Софья Власьевна* (имя собств.); персонификация явления [НСЗ, т. 3: 965–966]. Однако в процессе актуализации языковой игры прослеживаем образование слов по образцу бранной, обscene лексики.

X. Новообразования за счет **актуализации феномена precedentности**. Часто precedentность мотивирует не только оценочные смыслы, но и языковую игру, активизируя положительную оценочность, одобрение. Ср.: *бесик* (разг., одобр.) — ‘российский флаг с полосами белого, синего и красного цветов’.

В этом случае лексема образована путем сокращения слов *белый, синий, красный*. Это слово придумано гимназистами до революции 1917 года для запоминания последовательности цветов на государственном флаге России [НСЗ, т. 1: 157]. Однако, как представляется, омонимия лексемы *бесик* как уменьшительного образования от *бес* (*черт*) воспринимается не совсем одобрительно, скорее, шутливо-иронически. Аббревиатура *ВДВ* — *Воздушно-десантные войска* имеет множество расшифровок: (1) ‘возможно, домой вернемся’, (2) ‘возможно двести вариантов’, (3) ‘выходной день в воздухе’ [НСЗ, т. 1: 337]. Актуализируется креативность в процессе своеобразной **«расшифровки» внутренней формы слова**. Наблюдаем переосмысление номинаций (а) героев произведений, например: *буратино* (*Буратино*) (разг., шутл.-ирон.). — ‘о достаточно состоятельном человеке (обычно о новом русском)’; *Богатенький* (*богатый*) *буратино* (*Буратино*) — от *Буратино* (имя собств., персонаж сказки А.Н. Толстого *Золотой ключик*, 1936 г.) [НСЗ, т. 1: 239]; (б) названий художественных произведений, напр.: *буревестничество* (книжн.) — ‘бунтарство, пророчество грядущих перемен’ — *Буревестник* (из текста М. Горького *Песня о Буревестнике*, 1901) + *-еств(о)* [НСЗ, т. 1: 239], *вишневый*, *вишнёвый сад* — ‘о том, что воплощает в себе представление о счастливой жизни, что идеализируется’ — от *Вишнёвый сад* (имя собств., пьеса Антона Чехова, 1904) [НСЗ, т. 1: 315]; (в) образования от популярных фраз из художественных произведений, ср.: *васькизм* (разг., неодобр.) — ‘упорное продолжение какой-л. деятельности, несмотря на ее осуждение общественностью’ — от выражения «*А Васька слушает да ест*» (Иван Крылов): *Васька* (*кличка кота*) + *-изм* [НСЗ, т. 1: 258] либо фраз известных личностей, ср.: *вегетарианский* (перен.) — ‘не отличающийся жесткостью политического режима, цензуры и т.п., допускающий относительную свободу слова, печати, действий (о временах, годах, десятилетиях и т.п.)’. Связано с выражением, приписываемым Анне Ахматовой: *Вегетарианские времена* в знач. ‘о временах до массовых репрессий конца 1930-х гг. и об эпохе либерализации политической жизни в 1960-е гг.’ [НСЗ, т. 1: 271–272].

XI. *Процесс вербализации невербалики* как синкретический процесс, заключающийся в назывании (речевой фиксации) невербального действия языковыми единицами разных уровней,

которые также способствуют моделированию оценочных значений, а их использование в различных коммуникативных ситуациях позволяет формировать своеобразные коммуникативные смыслы⁷. Ср.: *веер*, *веером* в знач. нареч. (неодобр.) — ‘пальцы веером’ [НСЗ, т.1: 272–273]; *галстук*, *без галстуков* (шутл.-ирон.) — (1) ‘в неформальной обстановке, с доверительностью’; (2) в значении прилагательного ‘являющийся следствием таких встреч (о политике, дипломатии и т.п.)’; (3) в значении наречия ‘без должной официальности, естественно, непринужденно (о ком-, чем-л.)’ [НСЗ, т. 1: 369]; *глухонемой* (перенос., неодобр.) — (1) ‘не имеющий возможности выразить себя в творчестве’, ср.: *глухонемая эпоха* — от *глухонемой* в значении ‘лишенный слуха полностью или частично’ [НСЗ, т. 1: 396]. Продуктивной моделью является образование оценочных глаголов по признаку невербальных действий. Ср.: *засвистеть* и *засвистывать* — ‘освистывая, не дать (давать) говорить, принудить (принуждать) выступающего замолчать’; *засвистеть* — ‘свистом заглушить, прервать речь выступающего’ — *за-* + *свистеть*; *за-* + *свистывать* [НСЗ, т. 1: 619]. По аналогии — *затопать* и *затопывать* — ‘топая, не дать (не давать) говорить с трибуны; принудить (принуждать) выступающего замолчать’; *затопать* (*затопывать*) — ‘топотом заглушить (заглушать), прервать (прерывать) речь выступающего’ — *за-* + *топать*; *за-* + *топать* + *-ыва (ть)*; *затопываться* — ‘сознательно заглушаться, прерываться топанием (о чьем-л. выступлении)’ — *затопывать* (*см.*) + *-ся* [НСЗ, т. 1: 621], а также *захлопывать* и *закрикивать*.

Перечисленные тенденции расширения и видоизменения аксиологической картины мира — результат последовательной когнитивно-дискурсивной деятельности россиян, отражение их языкового сознания. Языковое сознание, как известно, отражает вербализованные знания, служащие средством активизации соответствующих элементов когнитивного сознания (1) социального, (2) культурного и (3) мировоззренческого происхождения. Как отмечает Николай Алефиренко,

[...] в итоге происходит трансформация элементов когнитивного сознания в языковые пресуппозиции, которые, подвергшись речемыслительным

⁷ Т. Осіпова, *Невербальна комунікація та своєрідність її омовлення в українському дискурсі: феномен вербалізації невербаліки*, ред. Т.А. Космеда. Вид-во Иванченка І. С., Харків 2019, с. 16.

и модально-оценочным преобразованиям перерастают в культурно-прагматические компоненты языковой семантики⁸.

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ динамики оценочной лексики показывает, что (1) преобладают отрицательные оценочные значения и коннотативные смыслы, что, с одной стороны, является общеизвестным фактом и объясняется природой психики человека, а с другой, — отражает современную ментальность россиян, тяготение к моделированию «языка ненависти». (2) Оценочная лексика активно пополняется за счет семантической и словообразовательной деривации, образуя систему моделей. (3) Система оценочной лексики заимствует свои единицы не только из иностранных языков, в частности из английского, но прежде всего (4) из жаргонов русского языка и профессиональной лексики, а также в связи с усилившимися процессами (5) феминизации русского литературного языка и особенно его (6) криминализации, (7) вульгаризации. (8) Идеологизация и (9) мифологизация языка, тенденция к моделированию неправды, фейка также позволяет расширять состав оценочной лексики, (10) ее пополняют и единицы, выражающие повышенную агрессивность. Процесс коммуникации базируется на вербальном и невербальном общении: в последнее время большое внимание уделяется именно невербальной коммуникации, в связи с этим прослеживаем (11) вербализацию невербалики, что также позволяет порождать новые оценочные значения и смыслы преимущественно негативной семантики. Современная языковая личность обладает потенциалом креативности — способностью создавать необычные идеи, отклоняться от традиционных схем мышления, что отражается в языке (12) актуализацией языковой игры и (13) манипуляцией прецедентными единицами, при этом актуализируется контаминация, псевдотолкование внутренней формы слов, окказиональные образования. (14) Моделирование амбивалентных оценочных лексем, слов-гибридов, слов-хамелеонов позволяет манипулировать сознанием современной языковой личности. (15) Оценочные слова и значения

⁸ Н. Ф. Алефиренко, «Живое» слово. Проблемы функциональной лексикологии, Флинта-Наука, Москва 2009, с. 71–72.

позволяют описывать и объективный, и субъективный образы мира, пропущенные сквозь призму человеческого сознания, — это оценка по степени интенсивности ее проявления, этическая, интеллектуальная, эпистемическая (отношение к сфере истинности) и оценка степени вероятности ситуации.

Наблюдения над тенденциями образования оценочных слов и смыслов свидетельствует о реалиях современной России, о расширении языковой картины мира русской лингвокультуры за счет вербализации преимущественно негативных явлений, процессов, качеств, специфического видения мира.

REFERENCES

- Alefirenko, Nikolay Fodorovich. “Zhivoye” slovo. *Problemy funkcional’noj leksikologii*. Moskva: Flinta-Nauka, 2009 [Алефиренко, Николай Федорович. “Живое” слово. Проблемы функциональной лексикологии. Москва: Фланта-Наука, 2009].
- Alpatov, Vladimir Mikhajlovich. “Predvaritel’nyje itogi lingvistiki XX v’eka.” *Vestnik Moskovskogo universiteta* 1995, no. 5: 38–42 [Алпатов, Владимир Михайлович. “Предварительные итоги лингвистики XX века.” *Вестник Московского университета* 1995, № 5: 38–42].
- Kirilina, Anna Victorovna. *Gender: l’ingvisticheskiye asp’ekty*. Moskva: Institut sociologii RAN, 1999 [Кирилина, Анна Викторовна. *Гендер: лингвистические аспекты*. Москва: Институт социологии РАН, 1999].
- Kosmeda, Tetyana. *Aksiolohichni aspekty prahmalinhvistyky: formuвання i rozvytok katehoriyi otsinky*. L’viv: LNU im. I. Franka, 2000 [Космеда, Тетяна. *Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки*. Львів: ЛНУ ім. І. Франка, 2000].
- Novyye slova i znacheniya. Slovar’-spravochnik po materialam pressy i literatury v 3 tomakh*. T. 1. Butseva, Taisiya Nikolayevna at all. (Eds). Sankt Peterburg: Dmitriy Bulanin, 2009–2010 [Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы в 3 томах. Т. 1. Буцева Таисия Николаевна и др. (Ред.). Санкт Петербург: Дмитрий Буланин, 2009–2010].
- Osipova, Tetyana. *Neverbal’na komunikatsiya ta svoyeridnist’ yiyi otmovlennya v ukrajins’komu dyskursi: fenomen verbalizatsiyi neverbaliky*. Kosmeda, Tetyana Anatoliyivna (Ed.). Kharkiv: Vydavnytstvo Ivanchenka I.S., 2019 [Осіпова, Тетяна. *Невербальна комунікація та своєрідність її омовлення в українському дискурсі: феномен вербалізації невербаліки*. Космеда, Тетяна Анатоліївна (Ред.). Харків: Видавництво Іванченка І.С., 2019].
- Vygotskiy, Lev Semenovich. *Myshleniye i rech’. Sobraniye sochineniy v 6 tomakh*. T. 2. Davydov, Vasilij Vasil’evich (Ed.). Moskva: Pedagogika, 1982 [Выготский, Лев Семенович. *Мышление и речь. Собрание сочинений в 6 томах*. Т. 2. Давыдов, Василий Васильевич (Ред.). Москва: Педагогика, 1982].
- Zubkov, Yevgeniy. *Russkiy ugolovnyj diskurs. Kniga pervaya. Ugolovnyj diskurs kak fenomen uslozhn’onnoy semanticheskoy dejatel’nosti*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2019 [Зубков, Евгений. *Русский уголовный дискурс. Книга*

ДИНАМИКА ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА...

первая. Уголовный дискурс как феномен усложненной семиотической деятельности. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2019].

Zubkov, Yevg'eniū. *Russkiy ugovnyj diskurs. Kniga vtoraya. Paradigmatika russkoho ugovnogo diskursa i analiz rossijskoho ugovnogo antropogennoho landshafta.* Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2019 [Зубков, Евгений. *Русский уголовный дискурс. Книга вторая. Парадигматика русского уголовного дискурса и анализ российского уголовного антропогенного ландшафта.* Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2019].